

Алексей Будищев

Наследственность

Алексей Николаевич Будищев

Наследственность

Аннотация

«В гостиной шел оживленный разговор. Товарищ прокурора очень долго, умно и мило говорил о наследственности. По его выходило, что как тут не вертись, а сын пьяницы будет пьяницей, дочь прелюбодея – прелюбодейкой и т. д. И что тут ничего не поделаешь.

Он ссылался на авторитеты, и слушатели точно мед пили. Казалось, они были рады, что все так мило, просто и хорошо, а главное – тому, что можно спокойно сложить руки перед этим величественным законом природы...»

Алексей Будищев

Наследственность

В гостиной шел оживленный разговор. Товарищ прокурора очень долго, умно и мило говорил о наследственности. По его выходило, что как тут не вертись, а сын пьяницы будет пьяницей, дочь прелюбодея – прелюбодейкой и т. д. И что тут ничего не поделаешь.

Он ссылался на авторитеты, и слушатели точно мед пили. Казалось, они были рады, что все так мило, просто и хорошо, а главное – тому, что можно спокойно сложить руки перед этим величественным законом природы.

Только учитель математики попробовал было возразить оратору и возразил, как всем это показалось, совсем неудачно. Совершенно внезапно он обратился к товарищу прокурора с вопросом:

– Так по вашему Христос напрасно сказал прелюбодейке «иди и не греши», не справившись сначала у нее, кто были ее папаша и мамаша?

На это замечание оратор ничего не ответил; он только облил математика насмешливым взглядом и продолжал свою речь. И когда он стал ссылаться на статистику и цифры, математик снова ввернул свое слово:

– Ну, положим, – сказал он, – ваши цифры ничего не доказывают. По вашему они доказывают закон природы, а по мо-

ему лишь то, что на детскую душу никто не дышал любовно.

Но и на этот раз его не удостоили ответом, Вскоре товарищ прокурора замолчал при общем одобрении, и тогда стал говорить математик.

– Вот видите ли, господа, – сказал он, – я должен сознаться; я возражал моему предшественнику зря, с бухты-баракты, ради празднословия. Я сам глубоко верю в наследственность, именно в ту самую наследственность, о которой говорит господин прокурор. Я свято верю, что детвора, рожденная порочными родителями, наследует от них вместе с кривым носом и все пороки. Невинные и страдальческие глазенки этой мелкоты лгут самым наглым образом, и на самом деле, еще не умея говорить, эти детишки уже замышляют чудовищные преступления; уже в детских люльках они обдумывают планы, как бы им провести со временем всех прокуроров всего света; уже в детском возрасте, взирая на горе, нужду и позор своих родителей, они не плачут, не страдают – эти крошки, брошенные в клоаку и принужденные волей-неволей брать из нее все соки, потому что кругом навоз, один только навоз; они не плачут и не страдают, о, нет! они – «демонически хохочут» и злоумышляют! Господин прокурор прав, тут уж ничего не поделаешь, и я бы рекомендовал ему применять к ним способ толкания с тарпейской скалы. И просто, и дешево, и... и, пожалуй, модно! Учитель сделал паузу и продолжал:

– Наследственность, – о, это великая сила! Она тяготе-

ет над нами, как фатум, как суть всего сущего. Наследственностью можно объяснить все: пьянство, крах банка, насморк, крушение поездов, измену женщины, мотовство, лихоимство, землетрясение в Лиссабоне. Во всем наследственность и наследственность! Наследственность в нашей вялости и апатии, в разврате, в толстой губе, в семейных неурядицах, в панамском перешейке, в торричеллиевой пустоте! О, над этим стоит подумать! Как увидишь, какие тонкие черточки, какие мельчайшие атомы передаются нам путем наследственности, так только разводишь руками да качаешь головой. Моя мать, например, любила моего отца, и я любил моего отца. Отец моей знакомой всегда звал свою жену, а ее мать, не иначе как (извините за выражение) «кобылой», и моя знакомая еще ребенком звала ее точно также. И ведь, пожалуй, даже не ошибалась. Мой отец любил пить чай, ходя из угла в угол по комнате и с папиросой, и я теперь пью чай таким же образом. И когда я был ребенком и пил молоко, я ходил точно также из угла в угол вслед за отцом и даже делал вид, что курю папиросу. Вы скажете, здесь детская переимчивость, подражательность, привычка, воспитание, а я скажу наследственность, и попробуйте-ка меня столкнуть! Вы скажете, что путем наследственности может передаваться чахоточное легкое, так как здесь микроб, а благоприобретенный, например, геморрой не передается. А я скажу: нет, передается! Я знаю человека, который, прослужив 25 лет казначеем, приобрел плохой домишко и хороший ге-

моррой, и его сын, прослужив 25 лет казначеем, тоже приобрел плохой домишко и хороший геморрой. Вы скажете, здесь причиной одинаковые занятия, а я скажу наследственность и подберу 5000 примеров и целую статистику состряпаю. Впрочем, все это шуточки, а вот сейчас я расскажу вам самый удивительный, самый необычайный пример наследственности, жертвой которого были великолепнейшая женщина и я – студент третьего курса математического факультета. Прошу внимания!

Учитель на минуту замолчал от волнения и, передохнув, продолжал снова среди невозмутимой тишины.

– Это было пятнадцать лет тому назад, – начал он снова, – нет, виноват, – семнадцать. Был я в то время студентом третьего курса и жил в Новой Деревне в немецкой семье. Только-с, познакомился я случайно с молодой вдовушкой Лидией Павловной, прехорошенькой брюнеткой и такой веселой, что как только, бывало, на нее взглянешь, так тебе танцевать и захочется. Чудная была женщина! Познакомили меня с ней, как сейчас помню, 17 июля, а 25-го я перед ней на коленях стоял, плакал слезами горькими и о любви своей говорил. И порешили мы тут же с нею повенчаться, как только я курс кончу, а до этого времени ждать терпеливо и даже не целоваться, а только видеться. Я про себя думал подразвить ее немножко за это время, так как она даже бинном Ньютона плохо знала, и это меня огорчало. Виделись мы с ней каждый день; и был у нас знак условный; как мне, быва-

ло, захочется ее повидать, так я сейчас в своем мезонинчике на балкон выйду и запою «Выдь на Волгу, чей стон раздаётся». А голос у меня в то время хороший был, и пел я недурно. И не успею я допеть, бывало, до «Стонет он по полям, по дорогам», как она уж мимо нашего садика идет и глазками сияет; а я к ней выскакиваю, и на прогулку идем. А по дороге, бывало, спор заведем, можно ли пользуясь теорией вероятностей, доказать существование на Марсе жителей; а потом я ей лекции по алгебре читаю. Итак, бывало, время проведем, что просто чудо. Счастлив я был до глупости. И вдруг все это точно оборвало чем. Перестала ко мне ходить Лидия Павловна, а я к ней пойду, – меня не принимают, А между тем ей еще страниц сорок до бинома-то Ньютонова оставалось! Пел я с утра до ночи «Выдь на Волгу» и только понапрасну собак дразнил; не приходила больше ко мне Лидия Павловна! Расхандрился я совсем, от пенья осип даже и стал я потихоньку за Лидией Павловной наблюдать. И выдался вечер такой; слонялся я, как помешанный, возле ее дачи и вдруг вижу неподалеку, капитан пехотный на балкон вышел. Ржа преотвратительная, рябой, как решето, и нос кривой. Только, вышел капитан на балкон и запел сигнал для построения третьей роты, – знаете, как его солдаты поют:

Третья рота, третья рота,
Отрубили кошке хвост!

И не успел он два раза сигнал этот пропеть, смотрю Лидия Павловна шмыг мимо его сада, а капитан тотчас же к ней, и под ручку на прогулку отправились; а по дороге, слышу, разговор завели, где служба интересней в пехоте или в интендантстве? А я как стоял, так и грохнулся среди дороги, даже полон рот песку набрал. А потом еле-еле к себе домой приплелся и за водкой послал. Целую неделю я водку глушил и каждый день видел, как капитан этот на балкон выходил, «Третья рота, третья рота» пел, а Лидия Павловна мимо его садика бегала. Бежит, бывало, точно ее толкает кто, точно ее ветром несет, и в лице даже серьезность какая-то, точно она не на свиданье бежит, а долг свой служебный исполняет. А в сентябре и замуж за него вышла, небось и до сей поры бинома Ньютона не знает! Думал я, думал, как такая чудная женщина к такой рябой форме на такую гнусную песню бегала, – думал и ничего не понимал. И только лет десять тому назад понял. Узнал я в это время родословную Лидии, Павловны, да тут как раз и о наследственности этой самой шибко заговорили. Сообразил я все это, и у меня словно глаза открылись. И понял я тут все! У Лидии-то Павловны, оказывается, дедушка военным был и пятнадцать лет в третьей роте штык-юнкером верой и правдой прослужил! Узнал я это и даже пожалел ее. Бедная, бедная женщина! Ведь это не она на свиданье бегала, это в ней атомы ее дедушки по сигналу на построение третьей роты маршировали! То-то у нее и личико такое серьезное в то время было!

Учитель вздохнул и добавил:

– Да, наследственность – это могучая сила! Она мне и пьянство мое тогдашнее объяснила. Как оказывается, близкий друг родного дяди сводной сестры моей кузины был в свое время женат на родной внучке двоюродного брата запойного пьяницы! Ларчик-то ведь просто открывался!..